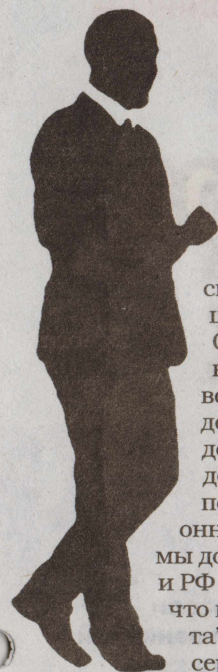

СВОЯ ВАЛЮТА БЛИЖЕ К ДЕЛУ

Ярослав Романчук, руководитель Научного исследовательского центра Мизеса

Разговоры о единой валюте для Беларуси и России ведутся уже более 15 лет. Безрезультатно. Российские и белорусские переговорщики еще во второй половине 1990-х зашли в тупик: сколько эмиссионных центров должно быть? С тех пор к валютному вопросу периодически возвращаются. Однако содержание переговоров, действия правительств в денежно-кредитной сфере, подписанные интеграционные документы и программы долгосрочного развития РБ и РФ — все это говорит о том, что к проекту «единая валюта» ни Москва, ни Минск серьезно не относятся.

Правительства и центральные банки двух стран в своих действиях исходят исключительно из внутренней повестки дня. Например, в 2011 году из-за раскрутки инфляционно-девальвационной спирали временно резко увеличилась конкурентоспособность наших товаров на российском рынке. Российские власти прибегли к девальвации в прошлом году, когда наш рубль подорожал по отношению к российскому на 90 процентов. Девальвация национальной валюты является одним из способов воздействия на торговых партнеров. В экономической теории такое поведение определяется как «валютная война». Мы еще не отошли от ее последствий. Размер ущерба от односторонних действий Центрального банка России для наших производителей оценивается в 1,5—1,7 миллиарда долларов.

РУБЛЬ, АЛТЫН ИЛИ ЕВРАЗ

В марте на встрече лидеров стран ЕАЭС в Астане Владимир Путин сказал, что пришло время поговорить о возможности формирования в перспективе валютного союза. Понятно, что без координации монетарной политики рассчитывать на полноценную интеграцию не приходится. Но введение единой валюты всегда рассматривалось в качестве завершающего этапа интеграционного процесса. Может ли быть по-другому? Надо ли нам ускорять переход к единому платежному средству и каким должен быть путь к валютному союзу?

новится ясно: одна из главных причин наших бед обусловлена чрезмерной страстью к чужим деньгам — долларам и евро.

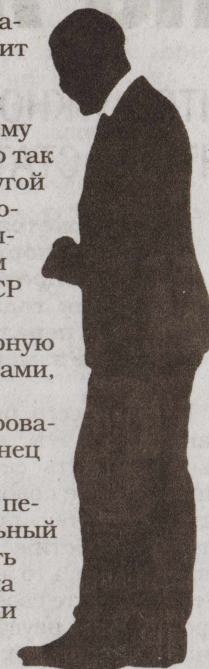
Только представьте, что вы с утра до вечера честно трудитесь в поле и производите пусть скромный, но желанный для всех продукт, например выращиваете пшеницу. А вот отдельные ваши соседи, обзаведясь личными печатающими

ЧТОБ УМНЫЕ СТАЛИ БОГАЧЕ

Валерий Байнев, доктор экономических наук, профессор

Сегодня многих даже очень неглупых и образованных людей ставит в тупик прямо заданный вопрос: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» Точно так же немногие ответят и на другой схожий вопрос: «Почему в процессе рыночных реформ вполне образованные по мировым меркам народы бывшего СССР вместо тихого и скучного советского застоя получили бурную и развеселую жизнь с кризисами, дефолтами, девальвациями, «цветными революциями», кровавыми междоусобицами и вконец опостылевшей инфляцией?» А ведь от СССР нам достался передовой научно-образовательный комплекс, позволявший иметь вторую в мире экономику и на равных соперничать с самими США во многих сферах (космос, мирный атом, лазеры, электроэнергетика и прочее).

В свое время великий английский экономист Джон Кейнс писал: «Нет более точного и верного способа переворота основ общества, нежели подрыв его денежной системы. Этот процесс пробуждает все разрушительные силы, скрытые в экономических законах, а сама болезнь протекает так, что диагноз не может поставить ни один из многих миллионов человек». К счастью, сегодня все большему числу ученых, политиков и даже простых людей ста-

Наша экономика — это примерно три процента российского ВВП. И если во второй половине 1990-х Кремль вел переговоры с нами на равных, выслушивал аргументы, оценивал монетарные, бюджетные и институциональные факторы, то в этом году содержание дискуссии несколько изменилось. Наша экономика не стала конкурентнее, а национальная валюта прочнее. Зато резко увеличилась долговая нагрузка, снизились платежная дисциплина и экспорт.

Неспроста в Москве заговорили о валютном союзе в год президентских выборов в Беларуси. Вброс этой темы направлен в том числе на то, чтобы добиться выполнения российских требований по линии Союзного государства и ЕАЭС. Речь идет о ликвидации торговых барьеров на вход российских товаров на наш рынок, активизации приватизации в пользу российского капитала, а также сближении позиции официального Минска и Москвы по Украине и Грузии.

Создать валютный союз — это не саммит провести и даже не Олимпиаду. Это требует вполне определенных действий, выполнения условий и наличия соответствующих инструментов и механизмов. Чтобы единая валюта была стабильной, конвертируемой и эффективно выполняла функцию денег, власти должны обеспечить в одном пакете следующее:

- инфляция менее 2% в год в течение как минимум трех лет;
- стабильный курс национальной валюты в течение как минимум трех лет (колебания в пределах 3%);
- дефицит бюджета не более 3% ВВП, государственный долг — не более 60% ВВП;

- работа экономики в режиме свободного текущего и капитального счетов в течение как минимум трех лет;

- институциональная независимость Центрального банка для нейтрализации угрозы политического давления на содержание кредитно-денежной политики.

Этим пяти требованиям должны соответствовать все потенциальные участники валютного союза. Пока никто их не выполняет. Российский рубль остается неконвертируемой и слабой валютой. Нефтяное проклятие над российской экономикой ослабло, но по-прежнему очень сильно. Финансовая и банковская системы неустойчивы. Председатель правления Сбербанка РФ Герман Греф говорит, что при падении цен на нефть до 43 долларов за баррель Россию ждет мощнейший банковский кризис и волна национализаций. Таким образом, российский рубль не может выполнять функцию валюты-якоря. Казахстанский тенге также не является устойчивой валютой вследствие сильной зависимости от энергоресурсов и слабой банковской системы. В такой ситуации отказ от национальной валюты никак не укрепляет независимость нашего государства. Забывать об этом в Минске не должны!

денеги станков, без зазрения совести просто включая его и за бумагами покупают львиную долю вашего урожая. Мало того, желая урвать себе от вас побольше, они наперегонки штампуют необеспеченные их собственными товарами деньги. Для вас же приток извне такой бестоварной денежной массы и отток вовне реальных товаров означает “загадочно необоримый” рост цен на них, называемый в экономической науке “экспортом инфляции из развитых держав на периферию”. При всем при том ваши соседи-нахлебники не забывают бессовестно морочить вам голову нескончаемыми рассказами о прелестях такой конкурентно-рыночной чудо-экономики...

Этот пример достаточно точно характеризует ситуацию, сложившуюся в мировой экономике в последние годы и получившую название “войны печатных станков”. После кризисного 2008 года США, желая перетянуть одеяло на себя и заполучить еще больше ресурсов из периферийных стран, официально возвестили о запуске трех программ “количественных смягчений”. На деле все свелось к тому, что американцы вбросили в мировую экономику до четырех триллионов необеспеченных их товарами бумажных долларов. В пику им европейский, английский и японский эмиссионные центры “нарисовали” денег в общей сложности на ту же сумму. Однако ЕС этого показалось мало и сегодня он срочно наверстывает отставание, запустив свою собственную программу “количественных смягчений” по изготовлению и сбыту нам бестоварных евро (что, кстати, быстро привело к их удешевлению по отношению к доллару).

Иными словами, для стран нашего ЕАЭС, ныне пытающегося встать во весь свой исполинский исторический рост, проблема отказа от широкого использования чужих денег приобретает жизненное значение. Не случайно и в Москве, и в Минске открыто заговорили о создании валютного союза, подразумевающего постепенный переход в экономических взаимоотношениях от доллара-евро к собственной денежной единице. Примерно так, как это сделал Евросоюз, воочию явивший миру пример успешной дедолларизации и соответственно того, как умные все-таки могут стать богаче.

Естественно, введение единой валюты — дело непростое. ЕС, кстати, шел к евро не одно десятилетие. Сначала необходимо создать полноценный единый рынок, увеличить долю нацвалют во взаиморасчетах, обеспечить полную свободу передвижения товаров, капитала и услуг, максимально сблизить бюджетную политику. А главное, организовав валютный союз, мы должны учесть не только плюсы, но и ошибки ЕС, где, как известно, “меж равных стран есть те, которые равнее”. Ведь всем известно, что качество жизни в Евросоюзе заметно падает по направлению от центра к периферии в соответствии с законом “чем дальше от печатного станка, тем оно ниже”. Иными словами, описанная выше ситуация с хитрыми соседями, печатающими деньги для других, проявляет себя и в ЕС.

Поэтому, осознавая исключительную экономическую значимость грядущего валютного союза, мы обязаны понимать и то, что он точно так же не даст особых выгод тем участникам, кто окажется на его периферии. Следовательно, уже сегодня на стадии проектирования единой валюты важно исключить саму возможность монополии на печатный станок. Очевидно, это возможно лишь в том случае, когда каждый участник ЕАЭС, независимо от роста и веса, будет иметь свою справедливую долю в эмиссии общей денежной единицы. Только при выполнении этого принципиального условия Беларусь может не бояться дискриминации со стороны огромной России. А та, в свою очередь, может не опасаться могучего Китая в том случае, если нашему валютному союзу вдруг суждено разрастись, например, до масштабов БРИКС, страны которого испытывают те же неудобства из-за засилья доллара.